

С МУЗЫКОЙ ВИКТОРА ГОРЯНИНА И ЕЕ АВТОРОМ

Пространство художественных интересов композитора широко: он автор крупных симфонических поэм («Родина», «Легенда», «Липские узоры»), оркестровой Фантазии на русские темы, симфонической сюиты «Десять песен погонщика верблюдов», двух концертов для фортепиано с оркестром, фортепианных сонат и многочисленных пьес, нескольких десятков популярных песен и романсов, наконец, сочинений кантатно-ораториального жанра, хоров, хоровых циклов («Отдайте солнце людям», «Разноцветная планета», «Память», «Красногалстучный народ», «Спасибо, Россия, за сына») и произведений, адресованных детям и юношеству.

Особенно близка композитору тема «Восток - Запад». Родившись в Оренбурге, он учился и долгое время жил в Алма-Ате, затем в Липецке, а с 1977 года - в Воронеже. У знаменитого казахского (русскоязычного) поэта Олжаса Сулейменова есть строка: «Нет Востока и Запада нет - есть единое слово Земля». Когда-то, как раз во времена написания горянинского цикла, мне довелось спросить Олжаса: «Не будет ли столь же верным обратное суждение: есть Восток и Запад есть - нет единого слова «Земля»?» Рассмеявшись, он не раздумывая принял (и даже, как показалось, с воодушевлением) данную смысловую инверсию (в Европе и в Азии в те годы идею несовместимости восточных и западных цивилизаций, культур и язык уже разрабатывали целые институты). Мне было интересно узнать мнение композитора по поводу возникших вопросов.

- Мне все-таки больше импонирует первоначальный (сулейменовский) вариант. Справедливость заложена в нем мысли о единой для всех народов культурной подоснове я давно прочувствовал кожей. И сердцем - у меня ведь немало опусов на восточные темы, созданных еще

тогда, когда я жил по ту сторону Урала и Каспийского моря: скажем, симфоническая поэма «Жизнь в степи», песня «Айша», музыка к созданным на Казахфильме лентам «Когда я был йогом» и «Когда тебе 12 лет» с отдельными индийскими и казахскими «следами». Да и после переезда в европейскую часть России меня время от времени тянет на Восток. Тому свидетельство - «10 песен погонщика верблюдов» для симфонического оркестра, названия которых говорят сами за себя: «Зной», «Варан», «Смерч», «Мираж», «Караван», «Базар», «Мозар» («Могила»), «Танец», «Ночь в степи», «Скачка».

- А вообще-то вы русский композитор?

- Думаю, что да, как и русские классики, писавшие половецкие, адыгейские и персидские танцы, лезгинки, среднеазиатские картины, еврейские хоры, испанские и цыганские капричио. Они как раз и заложили основы и традиции национально-русского ориентализма, обнажив общность корней и единство Земли разных культур, а значит и возможность их еще более интенсивной взаимной подпитки.

- Нет ли здесь опасности национальной нивелировки искусства, чему сегодня могут способствовать и небывалое разрастание системы коммуникаций, и стандартизация жизненного уклада, одежды, новых обычаев?

- Во-первых, я не вижу в этом большой беды. Национальное обезличивание, как мне кажется, - одна из черт, к примеру, так называемого «большого авангарда» второй половины XX века, а если заглянуть в его первую четверть, то и определенной части абстрактных художеств. Это может не нравиться или подниматься на щит, но было бы странным не видеть в данных явлениях проявлений творческого поиска. Да и рождение унифицированных цивилизаций было

бы нелепо отрицать. Если же говорить конкретно о музыке, то еще в XVIII веке принципы репризности, сонатности и рондальности приобрели интернациональное значение, а в XX - такие системы, как додекафония или сонористика, стали всемирными: я, например, имею неплохие уши, но не могу на слух отличить австрийскую додекафонию от русской, американской или французской (исключения редки).

- И все же, Виктор Андреевич, и в XX веке, как и раньше, национальная самобытность - едва ли не главная художественная составляющая. Даже простое упоминание имен француза Мессиана, американца Айвза, эстонцев Пярта и Тормиса, дагестанца Чалаева, армянина Тертеряна, немца Орфа, русских Шедрина и Слонимского, грузин Канчели и Цинцадзе (перечень мог бы быть бесконечным!) побуждает к мысленному кругосветному путешествию по характернейшим национальным культурам и стилям. И так было всегда в истинном творчестве, при всех возможных миграциях. Развивающийся с XV века стиль испанского фламенко был и остается испанским, хотя в своих началах он обязан иранской культуре, перенесенной на запад цыганам-кочевникам.

- Согласен с вами. Не оттого ли я и не пользуюсь додекафонией? Мне почему-то нравится быть узнаваемо русским, даже в своей восточной музыке. Впрочем, 90% моих опусов действительно являются и просто русскими, то есть без примесей. Но при этом я стараюсь делать так, чтобы их «русскость» не била, как говорится, в нос. Лишь иногда прибегаю к открытому использованию фольклора, но тогда избираю легко узнаваемые, хрестоматийные образцы, какими являются, к примеру, «Калинка»: пласт образности (а не только саму мелодию) этой песни я перенес в свой Концерт для двух кларнетов с оркестром. Случа-

ются, правда, и незапланированные параллели: так в песне «Задонский лес» слушатели вдруг распознали влияние русских страдальных, поданных в шутило-игровом аспекте, а в «Ярмарке» для народного ансамбля - перепевы «Валенок»...

В заключение подведем некоторые итоги: Виктор Горянин прошел весьма длинный творческий путь шагом уверенным, по избранной им магистрали, не сбываясь на узкие тропы. Обусловлено это ясностью, простотой и некой оптимальностью эстетических позиций. Суть тех из них, на которые мы еще не обратили внимание, заключена в следующем:

1. Не мудрствовать; выражаться просто, но и ново - здесь Виктор Андреевич выступает наследником Прокофьева, который призывал композиторов к «новой простоте».

2. Не знаю, слышал ли В. Горянин высказывание Шумана, что музыкой, в отличие от живописи, мы наслаждаемся в массе, что симфония в комнате с одним человеком мало бы ему понравилась, поскольку это уже не та симфония. Но сам Виктор Андреевич живет, фактически, с учетом этого тезиса; его музыка отличается своей общительностью, он творит для самой широкой аудитории и не отягощен комплексами элитного художника.

3. Его любимая аудитория - дети и молодежь. «Если с детства ребенок не привык слушать качественную музыку, - пишет Виктор Андреевич, - став взрослым, он останется эмоционально глухим; он, скажем, сможет стать предпринимателем, но никогда не будет меценатом для культуры. Причем, плохой музыкой можно отравиться также, как недоброкачественной пищей. Вспомните, как после выступления иных групп зал в неистовстве творил бесчинства и крушил мебель. Стала расхожей фраза, что для детей следует писать, как

и для взрослых, только еще лучше. Отсюда вывод: выбрав столь ответственное направление творческих поисков, я просто «обязан» пытаться писать все лучше и лучше».

4. Музыка В. Горянина не лишена драматизма, но в основе ее - всегда светлое, оптимистическое мировосприятие. Композитору должно быть близок «живописец счастья» - Ренуар, который и сам говорил: печали достаточно в жизни, так не будем тащить ее в искусство.

Осталось сказать, что Виктор Андреевич - активный общественный деятель. Уже не одно десятилетие он является членом Всероссийской комиссии при Союзе композиторов РФ по музыкальному и общеэстетическому воспитанию подрастающего поколения. И сейчас он озабочен созданием при Воронежском комитете радио и телевидения под патронажем губернатора Большого академического детского хора. Идея масштабная и дай-то Бог, чтобы она была доведена до воплощения.

- Спасибо за доброе пожелание. Надо торопиться, чтобы хватило сил на осуществление задуманного - возраст-то у меня уже почтенный.

- Главное, Виктор Андреевич, найди понимание властей. А сил хватит - вы человек моторного характера и тут, пожалуй, обойдете многих молодых. Правда, Майя Плисецкая как-то сказала: «С годами приходит опыт - уходит прыжок». Но композиторы и художники - не балерины. У них с опытом, напротив, увеличивается способность к прыжкам в неизведанные еще дали творческих миров.

Вот на этой - мажорной (в духе искусства Виктора Андреевича Горянина) - ноте мы и замкнем общение с его музыкой и им самим.

Евгений Трёмбовельский
(Воронеж)